
И. А. ВОЗНЕСЕНСКАЯ

О ПОДДЕЛЬНЫХ ПЕЧАТЯХ XVIII в.: НА МАТЕРИАЛЕ СУДЕБНЫХ ДЕЛ

Как известно, именно подделка документов стимулировала появление и развитие дипломатики как вспомогательной исторической дисциплины. В так называемой практической дипломатике, используемой в судебной практике, наиболее распространенным приемом анализа была критика удостоверительной части акта, в том числе правил и способов прикрепления печатей¹. И пока в Европе бушевала вторая «дипломатическая война», спровоцированная критикой доктрины Жана Мабильона, во всем мире продолжали подделывать документы для извлечения собственной выгоды, скорее всего, даже не догадываясь о *bella diplomatica*.

Законодательством Московского государства и Российской империи предусматривались жесткие правила ведения документооборота и не менее жесткие наказания за нарушение этих правил и тем более за изготовление фальшивых документов. В Соборном уложении 1649 г. читаем следующее: «Будет кто грамоту от государя напишет сам себе воровски, или в подлинной государевой грамоте и в иных в каких приказных писмах что переправит своим вымыслом, мимо государева указа и боярского приговору или думных и приказных людей, и подьяческия руки подпишет, или зделать у себя печать такову, какова государева печать, и такова за такая вины по сыску казнити смертию»². В Генеральном регламенте и Воинском артикуле также оговорены случаи подделки документов: «А ежели кто дерзнет оною печатью, какие подлоги чинить, такового не смотря на лицо штрафовать яко неверного слугу, по препорции умысла его, и ученный вреды лишением чести, и пожитка; а по состоянию важности дела и живота лишен быть имеет»³.

¹ Капитанов С. М. Русская дипломатика. М., 1988. С. 29.

² Соборное уложение 1649 года. М., 1961. Гл. IV (О подписиких, и которые печати поддельвают). С. 78.

³ Генеральный регламент 1720 г. Гл. XIII (О печати) // ПСЗ. Собр. первое. СПб., 1830. Т. 5. № 3636.

Самой распространенной подделкой в России XVIII в. были паспорта, что было связано с законодательством, ограничивающим свободу передвижения населения как внутри страны, так и за ее пределы. Несмотря на появление в XVIII в. печатных бланков для паспортов⁴, большинство документов этого вида было рукописным. Именно рукописная форма паспорта способствовала относительной легкости в изготовлении фальшивки. Любой человек, знакомый с делопроизводством и имевший перед собой оригинальный документ в качестве образца, мог скопировать формуляр и подделать подписи. Самой большой сложностью в подделке удостоверительной части паспорта оставалась печать. Следует отметить, что еще в Соборном уложении оговорен случай использования подлинной печати, взятой от настоящей грамоты и приложенной к фальшивой.

Обзор дел военного суда или кригсрехта, связанных с подделкой документов, показывает, что очень часто в изготовлении фальшивок обвиняли самих канцеляристов или служителей, имевших доступ к канцелярии. Известны случаи, когда даже беглые подьячие занимались продажей фальшивых паспортов. Бомбардир Гаврила Иванов в 1764 г. совершил побег из лазарета, испугавшись наказания за потерянную казенную амуницию. В течение пяти месяцев он был в бегах, купив у «неведомого бурлака, называющегося московским купцом, фальшивый пашпорт за 3 рубли». Продавцом паспорта оказался беглый подьячий Розысканой экспедиции Петр Крылов⁵. Однако в некоторых случаях паспорт мог быть изготовлен и грамотным «непрофессионалом». Так, например, фузелер Михайла Седых из посадских города Енисейска написал фальшивый паспорт от Тобольской губернской канцелярии для находившегося в арестантской роте профоса Якова Сычева, подделав подписи четырех должностных лиц⁶.

Как уже сказано выше, самой большой проблемой при подделке паспорта оставалась печать. Как это проблема решалась? Похищение подлинной печати или чистых листов, на которых уже проставлен оттиск, является самым распространенным способом решения проблемы печати. В одном из подобных дел фигурирует писарь Жмакин, который взяв печать Артиллерийской команды у денщика майора Геринга, заверил ею несколько чистых листов. На одном из них написал себе паспорт и подписал его «под руку» майора Геринга (рис. 1). Остальные листы были обнаружены при нем под местечком Верскохлебовской, что и стало причиной его ареста по подозрению в изготовлении фальшивого паспорта. Суд постановил бить его шпицрутенами 12 тысяч раз и сослать на серебряные рудники в Сибирь. Однако вместо этого его разжаловали в рядовые и послали фузелером в Сибирский гарнизон, таким образом заменив рудники⁷.

⁴ Франклин С. Технология власти XVIII в.: о зарождении и типологии «светских» печатных бланков // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2014. Т. 71. С. 372–383.

⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Кригсрехтерная. Д. 322. Л. 20–20 об.

⁶ Там же. Д. 324. Л. 10.

⁷ Там же. Д. 34.

На втором месте стоит изготовление фальшивой матрицы, что требовало не только времени, но и значительных материальных затрат для оплаты труда гравера. В деле об изготовлении фальшивой печати чеканного и резного дела подмастерьем Сивцовым сам подмастерье подробно рассказывает об обстоятельствах. Осенью 1760 г. к нему пришел плотник Санкт-Петербургского арсенала Григорий Полосихин и просил о вырезании печати для однодворца Антона Суровцева. Якобы Суровцев потерял печать управительских дел города Рязьска и просил изготовить ее по определенному рисунку за 1 руб. 50 коп. Сивцов вырезал печать и передал ее Суровцеву через плотника Полосихина. Кроме того, он сообщает, что и ранее занимался вырезанием печатей «разным известным мне людям» — «я как вензели, так и имена по их прозбам за договоренную цену вырезал»⁸. Такие оправдания не были приняты во внимание, и резчик был бит батогами, а плотник как посредник — шпицрутенами. Изготовлением фальшивых матриц занимались не только профессиональные резчики, но и, как казалось бы, далекие от этого ремесла люди. В 1763 г. фузелер Васильев и каптенармус Касылбашенинов были уличены в изготовлении двух фальшивых печатей: первой на свинце Санкт-Петербургского оберкоменданта И. И. Кастурина и второй на камне полицейской⁹.

Следующий способ изготовления фальшивой печати можно назвать условным. Вместо необходимой печати печатался любой другой оттиск. Как правило, в этих случаях использовали не казенную, а личную гербовую печать. В 1783 г. ротный писарь второго канонирского полка Андриян Дмитриев был приговорен к смертной казни за написание фальшивого паспорта карабинерской жене Морозовой Катерине Васильевой (рис. 2)¹⁰. Андриян Дмитриев был приглашен его знакомым дворовым человеком князя Николая Алексеевича Голицына Иваном Фоминым в питейный дом, где, выпив вина, он и написал паспорт за подписями полковника Архангельского канонирского полка Петра Ислентьева, адъютанта Семена Хрущева и полкового писаря Семена Горбунова. Запечатал паспорт он печатью аудитора Нестерова, которую незаметно взял из его дома и так же незаметно вернул. Причем в тексте самого паспорта говорится о полковой печати, что, возможно, и вызвало подозрения. Писарь Дмитриев виртуозно подделывает подписи трех должностных лиц, меняя наклон письма, силу нажима пером, ширину и высоту букв. Однако при внимательном рассмотрении все же понятно, что все подписи сделаны одной рукой. Спустя два года тот же Андриян Дмитриев, который не был казнен, а был разжалован в погонщики Нейшлотского артиллерийского гарнизона, снова подделывает паспорт крепостной девке Акулине Ефремовой дочери¹¹. К делу приложен

⁸ Там же. Д. 183. Л. 7 об.

⁹ Там же. Д. 174. Л. 1.

¹⁰ Там же. Д. 819.

¹¹ Там же. Д. 892.

его формулярный список, из которого мы узнаем, что он, Дмитриев, сочинял фальшивые паспорта несколько раз: впервые в 1773 г., затем в 1783-м, а в 1774 г. он написал два фальшивых билета. В общей сложности он был наказан шпицрутенами 4 раза и один раз батогами за побег в 1783 г. Следует отметить, что в 1885 г. ему было 37 лет, происходил он из солдатских детей, в службе с 1760 г., т. е. с 12 лет. В течение пяти лет с 1760-го по 1765-й он был учеником на Санкт-Петербургских пороховых заводах, затем до 1770 г. — цейхдинером, с 1770-го до 1780-го — канониром, с 1780-го по 1783 г. — полковым писарем, а затем погонщиком. В 1785 г. его снова наказали шпицрутенами и отправили в Выборг к инженерной команде для каторжных работ на один год¹². В общей сложности за все свои преступления он получил 22 тысячи ударов шпицрутенами. Однако, как мы видим, такой вид преступления все же не считался особо опасным для государственных интересов и смертная казнь по нему не применялась.

Иногда на поддельных документах встречается не печать, а ее имитация. Например, как особый вид имитации можно рассматривать оттискивание на сургуче аверса монеты. Оттиск двуглавого орла, помещавшегося на монетах, имитировал гербовую казенную печать, однако отсутствие легенды и вдавленное изображение орла позволяют определить подделку достаточно легко при внимательном изучении документа. Так в 1785 г. фузелер второго фузелерного полка Евдоким Тархов написал паспорта для канониров Тимофея Черепанова и Ивана Корякова, решившихся на побег (рис. 3)¹³. В паспортах он указал, что их отпустили «в дома на четыре месяца»¹⁴, и подписал именами генерал-поручика Ивана Лаврова, адъютанта Стриженкова и генерального писаря Самойлова. Затем, «выпрося у шинкари... огня под предлогом раскурить трубку табаку, запечатал пашпорты и аттестат медным пягикопеешником»¹⁵. Канониры заплатили Тархову по 5 руб. и по рубахе каждый. Оба канонира с этими паспортами дошли только до первого местечка, где и были задержаны «по сомнению о пашпортах». Такого рода имитация печати была рассчитана исключительно на невнимательность к деталям.

В том же 1785 г. рассматривалось дело сержанта второго канонирского полка Николая Гетте, который был уличен в изготовлении подложных писем¹⁶. Он пришел в дом генерал-аншефа Ф. И. Глебова с письмом к дворецкому о даче «егому малчику» Гетте 50 руб. Дворецкий, заподозрив подлог, отвел сержанта на съезжий двор, где при обыске нашли еще несколько подложных писем. Всего было семь писем, четыре на русском: от И. П. Елагина к Ф. И. Глебову, от Глебова к его дворецкому Егору Иванову,

¹² Там же. Л. 20.

¹³ Там же. Д. 916.

¹⁴ Там же. Л. 11, 12.

¹⁵ Там же. Л. 52 об.

¹⁶ Там же. Д. 901.

от купца Весмана к Елагину, от Весмана к его приказчику, и три на немецком языке: два письма от Весмана к барону Вобезеру и одно от купца Кернера к его приказчику. Письма на немецком были запечатаны, однако оттиска на сургуче нет, только круглые сургучные следы на бумаге.

Таким образом, рассмотрев на конкретных примерах способы изготовления фальшивых печатей, можно сделать следующие выводы. Печать — необходимая часть фальсификата, удостоверяющая его «подлинность». В идеале на подделке требуется оттиснуть подлинную печать, если же настоящая печать недоступна, то можно изготовить фальшивую матрицу, обратившись к профессиональному граверу, или изготовить ее самостоятельно, обладая определенными навыками. Кроме того, можно использовать любую другую печать в надежде, что все оттиски выглядят примерно одинаково: красная или черная сургучная масса со слабыми очертаниями изображения, напоминающего герб. Если любая другая печать так же недоступна, то можно для имитации печати использовать, например, монету, которая по размеру соответствовала бы государственной печати и имела на себе изображение государственного герба. В крайнем случае имитацией печати мог служить след от сургуча. Рассмотренный материал предлагает нам только случаи выявленных фальсификатов. Можно предположить, что какой-то процент подделок не выявлялся и позволял их держателям достичь поставленных целей.

Использование фальшивых печатей наиболее ярко демонстрирует отношение к самому оттиску печати и к изображению на нем в XVIII в. Традиция изображать на печати эмблемы различного характера¹⁷ в XVIII в. постепенно вытесняется изображением гербов. В 1722 г. в России учреждается Герольдмейстерская контора, которая помимо смотров дворян занимается составлением территориальных и личных гербов. Однако на печатях еще долгое время помещаются негербовые изображения, в том числе и на казенных. Различные эмблемы, арматуры, символы добавляются к двуглавному орлу, придавая казенной печати индивидуальные признаки того или иного ведомства или учреждения. Возможно, именно некоторая вольность в изображениях на печатях позволяла фальсификаторам использовать подобное или похожее изображение. В сознании человека, изготовляющего подделку, на первый взгляд подлинная и фальшивая печати были одинаковыми. Только знание правил составления документов, пристальное изучение документа и самой печати позволяли выявить подделку. К концу XVIII – началу XIX в. использование личных печатей в государственном делопроизводстве резко ограничивается¹⁸. Возможно, это связано не только

¹⁷ «...репрезентативные, нарративные и символические изображения», см.: *Соболева Н. А.* Русские печати. М., 1991. С. 137.

¹⁸ *Вознесенская И. А.* Личные печати в Российской империи XVIII–XIX вв. (оттиски на делопроизводственных документах) // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки». М., 2011. № 12 (74)/11. С. 236–244.

Рис. 1. Паспорт, изготовленный писарем Жмакиным, заверенный настоящей печатью Артиллерийской команды и поддельной подписью майора Геринга. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Кригсрехтерная. Д. 34. Л. 25

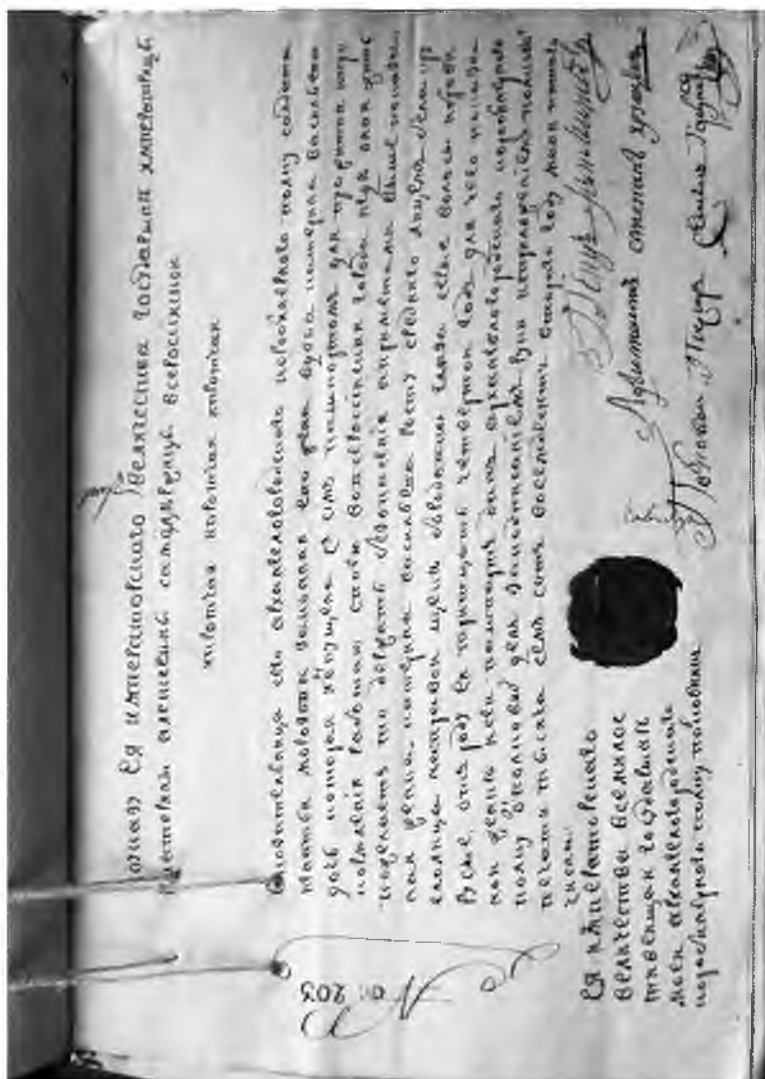

Рис. 2. Паспорт карабинерской жены Морозовой Екатерины Васильерой, изготовленный писарем Андреем Дмитриевым, заверенный личной печатью аудитора Нестерова и поддельными подписями. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Кригсгехтерная. Д. 819. Л. 16

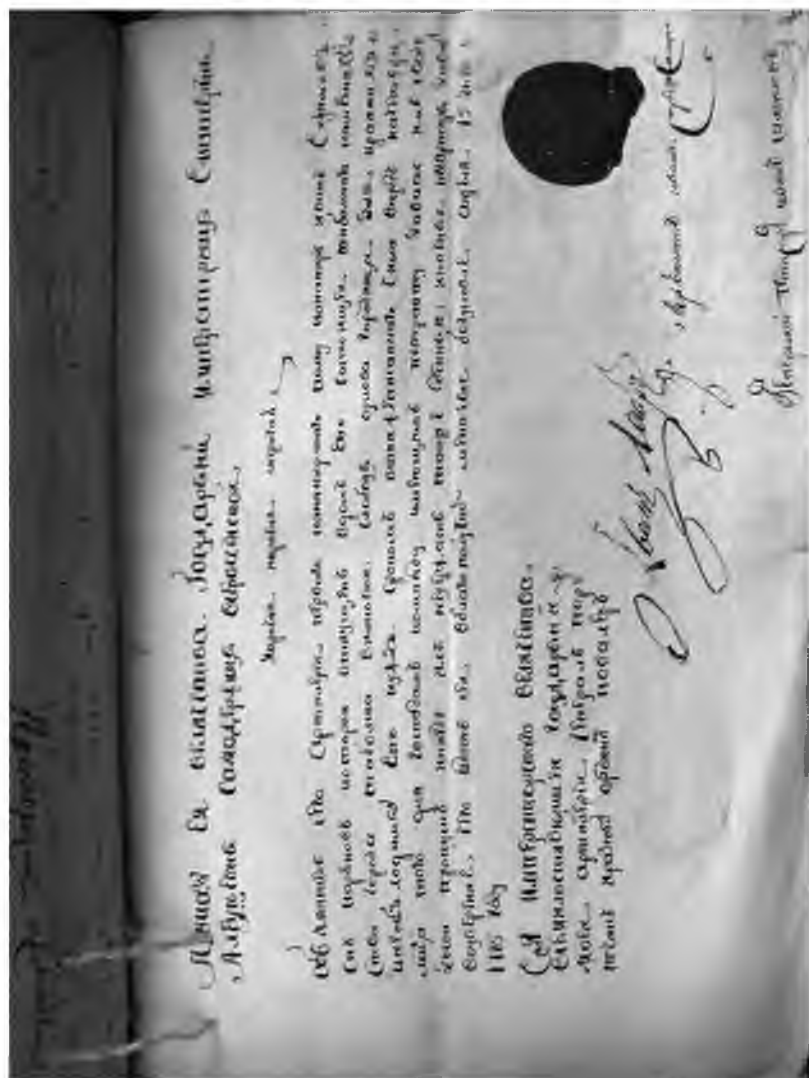

Рис. 3. Паспорт, изготовленный фужелером Евдокимом Тарховым, заверенный оттиском пятикопечной монеты и поддельными подписями. Архив ВИМАИВиВС, ф. 2. Оп. Кригерхтерная. Д. 916. Л. 8

с необходимостью взимать печатную пошлину. Полное выведение личных печатей должностных лиц из государственного документооборота позволяло пресечь изготовление фальшивок с использованием личных печатей, которые труднее было опознать при проверке документов. В двух рассмотренных нами случаях фальшивые паспорта «заверялись» именно личными печатями должностных лиц.

Кроме того, обращает на себя внимание и тот факт, с какой легкостью фальсификаторы шли на преступление. Желание заработать было сильнее риска быть уличенным в преступлении, за которое по закону полагалась даже смертная казнь. Однако, как мы видим, в рассмотренных нами делах наказание непременно смягчалось, даже в случае рецидивов. То есть само преступление, несмотря на жесткость формулировок закона, не считалось действительно серьезным, за которое следовало казнить.

РЕЗЮМЕ

Самой распространенной подделкой в России XVIII в. были паспорта, что было связано с законодательством, ограничивающим свободу передвижения населения как внутри страны, так и за ее пределы. Любой человек, знакомый с делопроизводством и имевший перед собой оригинальный документ в качестве образца, мог скопировать формуляр и подделать подписи и печать. Существовало несколько способов подделки печатей.

SUMMARY

The most widespread forgeries in 18th century Russia were passports, it was dew to the legislation limited free movement of population, both within the country and beyond. Anyone who was familiar with the paperwork, and who had the original document as a model, was be able to copy the form and to forge the signature and the seal. There were some methods to make false seal.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Подделка документов, удостоверительная часть документа, поддельная печать.

KEYWORDS

Forgery, confirmation of authenticity of document, false seals.

БИБЛИОГРАФИЯ

Вознесенская И. А. Личные печати в Российской империи XVIII–XIX вв. (оттиски на делопроизводственных документах) // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки». М., 2011. № 12 (74)/11. С. 236–244.

Капитанов С. М. Русская дипломатика. М., 1988.

Соболева Н. А. Русские печати. М., 1991.

Франклин С. Технология власти XVIII в.: о зарождении и типологии «светских» печатных бланков // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2014. Т. 71. С. 372–383.

REFERENCES

- Franklin S.* Tehnologiya vlasti 18 v.: o zarozhdenii i tipologii «svetskikh pechatnyh blankov» // Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. SPb., 2014. T. 71. S. 372–383.
- Kashanov S. M.* Russkaya diplomatika. Moskva, 1988.
- Soboleva N. A.* Russkie pečati. Moskva, 1991.
- Voznesenskaya I. A.* Lichnye pečati v Rossijskoj imperii 18–19 vv. (ottiski na deloproizvodstvennyh dokumentah) // Vestnik RGGU. Seriya «Istoricheskie nauki». Moskva, 2011. N 12 (74)/11. S. 236–244.